

Действующая Модель Мохеровой Вафельки:
Книга для Лучшего Понимания Мира
содержит толкования терминов

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Глеб Васильев

18+

Глеб Андреевич Васильев Действующая Модель Мохеровой Вафельки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48723163

SelfPub; 2019

Аннотация

Мир, в котором мы живем, состоит из сложной системы действующих механизмов – физических, химических, психических и информационных. "Действующая Модель Мохеровой Вафельки" – книга, помогающая лучше понять мир и принцип работы механизмов, заставляющих его существовать и действовать. В оформлении обложки использована фотография «Медведи на газоне». Автор Васильев Г. А. Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

Книга для Лучшего Понимания Мира

Предисловие

Дорогой друг!

Мир, в котором мы живем, состоит из сложной системы действующих механизмов – физических, химических, психических и информационных. Действие – вот главная частица, лежащая в фундаменте мироздания. Даже Слово, которое по одной из версий было «в начале» всего, является действием того, кто это слово произвел.

В повседневности человек привык разделять механизмы, способы и другие явления на «действующие» и «не действующее». Однако это разделение иллюзорно. В действительности «не действующих» вещей не существует – действительность потому и называется действительностью, что каждая ее сколь угодно крошечная часть непрерывно действует. Те предметы, которые называются «не действующими», всего лишь действуют не так, как того от них ожидали люди, и дают не те результаты, которые были запланированы человеком. Например, старый телевизор с разбитым кинескопом, лежащий на дне реки, не является «не действующим». Да, он не способен принимать и отображать визуальные ряды, но при этом он продолжает существовать, что само по себе является несомненным действием. Более того, этот телеви-

зор, утратив ту суть, которую в него изначально вкладывал человек, может принимать важное участие в жизнях множества подводных существ – рыб, моллюсков и членистоногих – служа для них жилищем и убежищем.

Поэтому, коль скоро ничего не действующего не было, нет и не будет, говоря о Модели Мохеровой Вафельки, можно было бы не упоминать о том, что она Действующая. Однако я осознанно прибегаю к этой тавтологии, чтобы продемонстрировать то, насколько реальный действующий мир отличается от привычного для нас представления о нем.

Что касается моделирования – то это самый простой и понятный способ объяснения любого феномена на наглядном примере, созданном здесь и сейчас по образу и подобию толкуемого явления. Модель выступает в роли универсального посредника между человеком и вещами, существующими как в самом человеке, так и за его пределами. Главное свойство модели, после ее принципиального сходства с оригиналом, является возможность ее масштабирования. Так, с помощью моделей можно воспроизвести детали микро– и наномира, увеличив их до различимых невооруженным глазом пропорций, или построить компактную реплику всей Вселенной, которая легко уместится на обычном столе.

Теперь, когда мы разобрались с Действием и Моделью, остался последний вопрос. Что же такое Мохерова Вафелька? И этот вопрос не так прост, как кажется, так как скрывает в себе целую вселенную внутренних вопросов. В чем свой-

ства и качества Мохеровой Вафельки, какими способностями она обладает и какой потенциал скрывает? Как Мохеровая Вафелька взаимодействует с миром и человеком, чем она может быть для него полезна, и как высоко ценится? Обманывает ли Мохеровая Вафелька ожидания или действует именно так, как от нее того требуют? Что в ней преобладает – мохеровость или все же вафельность? Велика или мала, съедобна ли эта вещь и, в конце концов, насколько она вещьественна?

В настоящей Действующей книге я постараюсь ответить на эти и многие другие вопросы, а также рассмотреть как можно больше разнообразных механизмов, совокупность которых мы и называем Миром.

Приятного и познавательного чтения!

Модель №1: Лихолесье

Лихой – бесшабашный, удалой, молодецкий, приткий, ухарский, бойкий, хваткий, бравый, отчаянный, приносящий беду, злой, тяжкий, фатальный.

Мы живем здесь, в Лихолесье, где родился каждый третий, пригодился второй, а спились все поголовно. Лихолесье у нас дремуче-напевное, но чередующееся с деловой хваткой (что поделать, работа есть проклятье пьющего класса). Хвать елочку за бочок и волчком в норку, где уже и котировки все

окончательно сверяются, и канал выделенный для связи с товарно-сырьевой биржей имеется. Поэтому волчья шкура завязывается под воротником сицилийским галстуком. И не надо думать, что наш кофе от этого не так горек, а секретарши делают меньше ошибок в словах «дезоксирибонуклеотид» и «трансцендентность». Нет, просто духовность обязывает нас ставить свечи во здравие, за упокой и орать «Горька! Борька! Горька!», чтоб расцелованными во все засосы молодоженами укатить на Канарские окорока. А там, вдали от родных пещер и гнезд, скучать по вощености бумаги, на которой печатаются чеки, и финансовой несостоятельности зверья из соседних гротов и нор, парадными своими входами не выходящих на Садовое Кольцо. Вспоминать мрачное спокойствие тихих зорь Лихолесья – как бы ласково солнце ни пригревало, в лучах зависти и ненависти нам нежиться приятнее.

Усталость – наш главный враг, неуязвимый воин в сверкающих доспехах – он заразен и предсказуем. Вирус усталости поселяется в нас еще на внутриутробной стадии, чтобы после стать первой и единственной натурой. Безделье, праздность или активный отдых – все ему нипочем, господин Усталость всегда к нашим услугам. Он толкает нас на умственную бездеятельность. Парализованные, мы можем лишь продолжать клацать челюстями в ритме, услужливо заданном дискретным шагом конвейера, несущего нам на своей ленте окровавленные куски зверья помельче. Закон Ли-

холесья суров – те, кто тратит последние силы на попытки всколыхнуть ватную пену мозга, умирают от голода – энергии на открывание/закрывание пасти не остается (каждую частичку этой энергии, пусть даже самую малую, прибирает рачительный господин Усталость).

Счастье, что в Лихолесье нескончаемая пропасть деревьев. Многие молодые звери (для них господин Усталость надевает костюм пасхального кролика и щедро одаривает расписными яйцами – лишь после достижения определенного возраста он внушает боязнь высоты и показывает свое истинное лицо) легко забираются на нижние ветки. Сидя на дереве можно с успехом оттачивать деловую хватку, получать свою дозу зависти от тех, кто на ветку влезть не смог, и порцию опасливой ненависти – от забравшихся выше, но боящихся свалиться (не без посторонней помощи). Упасть и впрямь очень страшно – там, внизу, беспомощного древожителя неминуемо порвут на фенечки.

В Лихолесье постоянно что-то меняется, а что-то остается прежним. Но, как правило, перемены целью своей имеют упрочить консервативные позиции, а стабильность умело маскирует катастрофический регресс.

Если вдруг вам случится повстречать какого-либо жителя Лихолесья, умоляю вас, не верьте его слезам и пространным монологам на тему *homo homini lupus est* («человек человеку волк»). Люпус он там, корвус, урсус или лепус – хомо ест всегда с аппетитом и от добавки никогда не отказывается.

Так что будьте предельно осторожны.

Модель №2: Кровь

Кровь – жидкая подвижная соединительная ткань внутренней среды организма, которая состоит из жидкой среды – плазмы и взвешенных в ней клеток.

Ницше-Заратустра говорит: «Из всего написанного я люблю только то, что кто-либо написал своею собственною кровью».

Пустить кровь носом, прокусить щеку и фонтанировать розовой пеной, рассечь бровь и смотреть сквозь алую пелену. Источать кровь порами, размазывать по лицу. Надеяться, что шрамы останутся на всю жизнь. Не давать ранам зажить, сковыривать коросту, посыпать солью и перцем. Капать рубином на белый лист бумаги. Увидеть, как кровь теряет кислород, становится бурой, засыхает. Сердце можно заменить гетеродинным насосом, но кровь не заменишь ничем, даже гемодезом. Главное – не бояться. Не кричать «Лапы прочь!». Наоборот. Трогай, топчи, кусай, плюй, слизывай, наслаждайся, морщясь брезгливо – да что угодно делай.

«Кровь-любовь» стало пошлостью задолго до рождения поэта Цветика и появления сперва критики рифм «палка-се-ледка» и «пакля-рвакля», а потом и повсеместного перед этими рифмами преклонения. Чернила Фауста остаются в цене настолько же, насколько ценным остался алюминий по-

сле открытия способа получения его из любого комка глины. Но кровь не производится в промышленных масштабах, не разливается по бутылочкам и жестяным банкам, не продается в розлив. Ее не купить по разумной цене, не налить в стакан, льда и водки по вкусу. Ее мало, можно сделать лишь глоточек и горько усмехнуться, вспомнив, что некогда кровь ценилась дороже золота. Перед золотом одна любовь на миллион могла устоять, перед кровью – нет. Но, что поделать, инфляция.

Когда людей станет слишком много, их начнут продавать, чтобы хоть как-то амортизировали, отбивали расходы. Вслед за этим сразу откроются фабрики клонирования. Об экономическом эффекте забывать нельзя. Рынок обязан утолить спрос. К тому же, новые фабрики – это новые рабочие места. А уж сколько шагов останется до каннибализма, знает только чадолюбивый Сатурн. Кронос, поедаящий своих детей, – символ времени, чьими верными сынами и дочерьми мы честно пытаемся быть, попивая газированный кровезаменитель.

Греки верили в обратимость времени, в то, что сожранное Кроносом может быть отгрыгнуто в целости и сохранности. Что, если они не верили, но знали? Тогда неизбежен конфликт. Война. Вся эта глупость между городом и деревней, постмодерном и классицизмом, отцами и детьми, кровью и томатным соком. Пока же позиции серых незыблемы.

Остается только надеяться, что кровь не кончится прямо

сейчас. Что ее хватит еще хотя бы на пару пейзажей, твой портрет, детский анекдот, дорогу к тебе, письмо домой и эпитафию.

Модель №3: Прикладная антропология

Антропология – область научного познания, в рамках которой изучаются фундаментальные проблемы существования человека в природной и искусственной среде.

«Кто эти люди? Что им нужно?»

Говори за себя.

«Кто эти люди для меня? Чего они от меня хотят?»

Так проще, правда? Сузить диапазон поисков ответа до субъективного горизонта событий. Как правило, выводы удастся сделать на закате, когда горизонт виден в розоватом свете только что скрывшегося солнца, больше не слепящего, оставившего игру в жмурки. До завтра. Ночь – лучшее время для того, чтобы попытаться успеть отдохнуть и найти повод перестать жмуриться. Это так естественно – то, что мотив утром открывать глаза необходим. О нем можно думать, а можно и забыть, переслать бандеролью в подвал или на чердак, пометив «Подсознанию. До востребования».

Так или иначе, глаза открываются не чтобы видеть. Они открываются для других, загораются зеленой ромашкой «я-ищу-тебя». Чем деспотичней тирания эгоизма, тем больше

в этом процессе театральной драмы. Кто-то писал о странности устойчивого словосочетания «прийти в себя». По сути, действие заключается в том, чтобы из себя вынырнуть и вместо этого прийти к другим, повесить табличку «открыто» на дверь своего тела, стать абонентом доступным.

Для тех, кто любит усложнять и портить, как бы все хорошо ни начиналось, есть опции. В главном меню переставляем галочку с Easy на Hard, жмем Ок.

«А они вообще-то люди или как? Чего мне от них надо?»

Оставим глупость, лицемерие и малодушие, утверждающие в ответ на любой вопрос единственной фразой – «нет времени». Время есть. И это время есть редкая сволочь, тысячеглавая гидра. На месте отсеченной головы тут же вырастают две. Чтобы совладать с гидрой, нужны помощники, которые будут вязать ее шеи в узлы. Убийство времени как стиль жизни. Уничтожение жизни как знак времени. Любого времени, исчисляемого от произвольно выбранной начальной точки. Не важно, на кого ты или они поставили бы в схватке «Христиане vs Львы» – результат один. Каждый получает свое – одним нимбы и прибавка «Св.» к имени, другим сытный обед. Хорошая компания, попойка, интимная связь, два мэйла и три смс в месяц. Или – помним, соболезнуем, скорбим – в социальных сетях.

В нашем поезде, иронично называемом скорым, множество вагонов, поделенных на полки. Зануды, нытики и ма-
ньяки (соответствующие категорийные определения указа-
ны в билетах этих пассажиров) могут рискнуть и сыграть в
режиме Very Hard.

«Я человек? Что я готов отдать другим?»

Тут в ход идет всё и вся, включая честного Ницше, за-
бытого разработчиками софта в среднем абзаце. Результа-
ты неутешительны. Размягчение сердца приводит к раскиса-
нию мозга. Хляби разверзаются. Мышкины слезки отлива-
ются в формочки пилюль слезливых текстов и стихов. Кош-
ки, чей помет в норке доводит мышек до нервного срыва и
общего плачевного состояния, в эти игры не играют. Пилюли
глотаются такими же депрессивными, ни в чем не повинны-
ми мышками. И пошло-поехало. И так пошло, что пошлее
уже не придумать. Разве что в без(д)умном порыве щедро-
сти бросаться словами «люблю», «всегда», «ненавижу», «ни-
когда», а потом вдруг проверить баланс и обнаружить себя
банкротом. Никогда не платить по счетам – для этого нуж-
на смелость. Суицид, это когда вены режутся вдоль. Если
поперек – мышшкины слезки. Другой вариант – отрезать чу-
жую голову и преподнести ее миру, как часть себя. Тот, кто
такое подношение проглотит, рискует вскорости огорчиться
эмоциональным запором. На крайних стадиях заболевания
внутри умирает Мать Тереза – этих пассажиров легко узнать

по дурному запаху изо рта.

Для тех, кто успешно справится с предложенными заданиями, предусмотрены красивые фотореалистичные концовки, различающиеся в зависимости от выбранного уровня сложности.

Модель №4: Искусствоведение

Искусство – образное осмысление действительности, выражающее внутренний и внешний миры в художественном виде.

Я родился слишком поздно, чтобы получать удовольствие от многих вещей. «Мгновения весны», к примеру, кажутся затянутыми и скучными – сегодня 17 мгновений явно многовато. Видимо, когда-то время шло иначе. От «Заводного апельсина» не тошнит, сколько пальцев ни клади на язык. Одри Хэпберн не вызывает совершенной чистоты восторга. «Она лучшая» – так говорят многие. Могу им поверить, но для собственной убежденности чего-то не хватает. Навязчивое ощущение поэтической образности ради одной лишь образности приводит в недоумение. От классического симфонизма болят зубы. Мона Лиза поражает воображение так же, как женские фигуры Малевича. Почему-то живописец Дали всегда оказывается похож на Дали, а художник Шишкин – на Шишкина.

Кто-то движется дальше, но, набирая скорость, утыкается в спину шедшего позади. Цикличность. Гришковизмы воспринимаются исключительно как гимны затекшей ноге. У большинства есть ноги. И у каждого, ногами владеющего, они иногда затекают. Как-то уж слишком легко удается памяти тела призвать покалывания, сопровождающие возобновление тока крови. Как будто нет ничего больше, ближе, узнаваемее и интереснее, чем это чувство затекшей ноги. Откровения закончились, ради катарсиса их приходится выдумывать. Точнее, вспоминать. Все старое – плохо вспомненное новое. Жизнь до смерти сомнительна, а фрустрация неизбежна – этому учат в воскресных школах.

Всякая история повторяется дважды – сначала как трагедия, потом как фарш. Если текущая любовь трагична, приготовься к тому, что влюбишься снова – и на этот раз точно превратишься в котлету. Постарайся не винить себя за грязь и пошлость, которых не сможешь избежать. Все равно как под действием дурного предчувствия обыскать все закоулки, обежать всех знакомых, чтобы убедиться – ее (твою ЕЁ) никто не видел со вчерашнего дня. Застыть на мгновение, вспомнить про ваше любимое место (вы называли его своим) – там вы проводили сладчайшие часы, сидя в траве над обрывом, болтая в воздухе ногами, глядя на море и жмурясь на солнце. Всегда вдвоем. Проклясть себя за то, что не вспомнил об этом (вашем) месте раньше – ее не было рядом. Ужаснуться тому, сколько времени потрачено впустую. Че-

рез силу ободрить робкую надежду на чудо, фею «еще-непоздно». Не чуя ног, глотая выпрыгивающее из горла сердце, примчаться и найти только ее велосипед, оставленный в траве. Давно остывший, блестящий капельками росы. Упасть на колени, вцепиться пальцами в собственное лицо. И расхохотаться от того, что ты это уже где-то видел или читал.

Искусство – развлечение для ценителя. И ключевое слово тут – «развлечение».

Модель №5: Живописание

Живопись – результат процесса, связанного с попыткой передать зрительные либо умозрительные образы посредством нанесения красок на ту или иную поверхность.

Чаще всего спиваются и сторчиваются умненькие мальчики и девочки. Каково быть умненьким и знать о такой перспективе? Это все равно как знать о несуществовании правильных ответов, но при этом продолжать оттачивать мастерство задавать правильные вопросы.

Изобразительное искусство – вот куда всякому нездравомыслящему человеку надлежит плескать свою нездоровую кровь до последнего миллилитра, который следует израсходовать на авторскую подпись.

Малевич. Смотрю на его фигуры – мужские, женские, гео-

метрические – порталы в иные измерения, точки ориентиров, заметных только с изнанки привычной сетки координат. Представляю, как шевелились его суровые губки между пухлых щек, когда он водил кисточкой или строчил буквенное безумие, подводя под мазню теорию супрематизма и беспредметности. Зачем он был так безжалостен с собой? К чему принес в жертву своей неменяемости изобразительную составляющую? Казимир, Казимирчик, Казя, не переживай, у тебя получилось. Скоро нанотехнологи подведут энергию к твоим порталам, и они заработают так, как ты это задумывал.

Рерих. Проникновение в три огонька над Килиманджаро. Шамбала, написанная в три мазка копченой камбалой. Я был там, в глубине его глотки, скрытой незнающими улыбки губами. Каждый раз, закрывая глаза, я оказываюсь там. Коленька, милый, ну улыбнись ты хоть сейчас! Сейчас уже можно – ведь ты успешно проник по другу сторону всего.

Шагал. И по сей день летит – одноногий и одорукий – над городом, сожравшим деревню, чей призрак будет бродить по Европе до окончания времен, как народ богом избранный. Тацит по воздуху Ее, только она давно мертва. Марик, не смотри на Нее. Придумай лучше еще одну провидческую сказочку, чтобы все поверили, что ты художник.

Дали. Исключительный. Со своей старой бабой и омара-

ми, тиграми и винтовками, пластикой движения, от которой захватывает дух и не нужно никаких пояснений, названий и действующих моделей мохереовой вафельки, которые тут же приведены в щедрой избыточности. Зачем так восхитительно рисовать, когда, казалось бы, безумие уже сотворило гения и может немного отдохнуть? Сальвадор, Сальвадорчик, Саля, ты же знаешь, по-настоящему рисовать никто не умел и не умеет. Только ты. Я грущу по твоему мертворожденному мультфильму, по твоему живому Линкольну, засыпая на диванчике латексных губ мисс Монро, греясь у камина ее носика под пристальными картинами ее глаз.

Ван Гог. Я понимаю – придумать подсолнух, воплотить его из ничего, сотворить чудо. Выдумать НЕЧТО, но так, чтобы оно стало ЧЕМ-ТО. Чем-то привычным и обыденным, чтобы все забыли о твоей божественной сущности. Скажи, Винсент, Винечка, Виня, это правда? Про тебя и Пашу Гогена? Это был он – с опасной бритвой и темным прошлым? Он совершил усекновение твоей ушной раковины? Ты взял его грехи на себя? Комплекс Иисуса, говоришь. Но что делать с твоим братом-близнецом? Хотя, ты прав. Создав подсолнух невозможно избежать соблазна сотворить нечто по образу и подобию своему. Почему бы и не близнеца?

Петров-Водкин. Страшно, страшно, очень страшно. Они ведь манекены. Все. Все-все-все. Только Аркадий Исаакович Райкин не испугался, он смелый. Он верил, что есть не

только манекены, но и люди. А ты, Кузьма, Кузенька, Кузя, верил? Манекены так соблазнительны, возбуждающи, что становится страшно. Зачем быть живым, если у тебя живое только яблоко, только твоя мертвая селедка твоя выглядит живее всех живых? Но если ты умрешь, то можешь родиться кривобоким Модильяни. Поэтому живи, Кузя, очень тебя прошу.

Стоматолог Банченко говорит – «Мне тут пару билетов в художественную галерею подкинули. Не хочешь?».

Я говорю – «А сам чего?».

Отвечает – «Не, когда посреди картины синяя нога торчит, а куда-то вбок сиська квадратная – мне такого искусства не надо. Я такое искусство не понимаю». А сам Банченко при этом всем алкашам алкаш.

Модель №6: Экономика

Экономика – результирующее явление, получающееся при взаимодействии четырех компонентов: производства (либо добычи), распределения, обмена и потребления.

В почтовом ящике нет писем. На виноградной лозе ни ягодки. Конфетная коробка пуста. В шахте не осталось алмазов. Ловить нечего. И уже давно. Как минимум с тысяча девятьсот семьдесят первого года. Ладно, скажу «халвахалвахалва». Тахинная сладость, хинная горечь и стрихнин на де-

серт. В руку кормильца принято плевать. «Колхозник», «доярка», «агрокомплекс» – произносите эти слова правильно, с брезгливой интонацией, морща нос. Мясник – это не профессия, а диагноз. Стельные коровы. Что-что? Что это? Надо думать, коровы, из которых делают обувные стельки. Удобрения дурно пахнут. Зерно обмолачивается, переплавляется и проходит крекинг. Из отходов производства отливают стекло, сталь, пластмассы. Неблагонадежные граждане сажаются на кол и отпугивают ворон, стаи которых выклевают золото из жил и выпивают нефтяную кровь из недр. Ваши любимые наркотики растут на деревьях. Крысы научились вместо шариков помета исторгать сайты с пиратским контентом. Шелкопряды из собственной слюны плетут книги, легко уместяющиеся в смартфоне. Акустика дубовых дупл позволяет белкам открывать все новые звукозаписывающие студии, снабжать рынок мегаваттами звуко сочетаний. Этих знаний достаточно.

Деньги, придуманные с целью заменить собой всё, по-прежнему работают без сбоев. Всё, заменяемое деньгами, мельчает. Объемы солнечной системы ограничены – если что-то растет, что-то должно уменьшаться. Иначе катастрофа неизбежна, швы разойдутся, и наша солнечная система поглотит саму себя. Когда наше солнце перестанет существовать, молекулы денег достигнут других галактик. Если условия окажутся приемлемыми, деньги прорастут на далеких

планетах, эволюционируют и станут господствующей формой существования. Семя Земли даст начало новым цивилизациям. Сейчас же, пока всё (кроме денег) благообразно усыхает и отмирает, как я говорил, беспокоиться не о чем. Ситуация под контролем.

Вместо одной головы к шее пришиваются две, четыре или восемь. Диаметр голов уменьшается обратно пропорционально увеличению их количества. Альтернативные источники энергии появляются только на закрытых дегустациях, где съедаются и выпиваются без остатка. Мировая экономика вне опасности.

Самостоятельная работа для закрепления пройденного материала:

Урок N1. От концерта можно получить удовольствие, если ты купил на него билет.

Урок N2. От концерта можно получить двойное удовольствие, если ты пробрался на него в обход кассы, не заплатив.

Урок N3. От концерта невозможно получить удовольствие, если вход на него свободный.

Модель №7: Культурология

Культура – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание, любые формы и способы человеческого самовыражения и самопознания, а также любая деятельность людей в принципе.

Странно, впрочем, не то, что мне, нечесаному москвитю, щи пельмешками размораживающему, и сказать-то нечего, когда очередная девушка из керченского зоопарка, утомленная дрянной водкой и не менее дрянным анекдотом с квелым концом, произносит с питерским акцентом «Скажи мне честно, Москва отстой?». Я говорю – «Да, Пашенька». И тут же – «Не, Шурочка, тут смотря с какой стороны посмотреть». Чуть погодя, через полсигаретки буквально – «Женечка, сгоняй за пивком, бери лучше чешского или немецкого, российское – все отстой». И дело тут не в моих вкусах, мнению или ее ожиданиях – нет. Это суть дискурс.

Куда как страннее то, что мне, москвитю до мозга зубов, самым мелочным из стремлений кажется желание успеть обогнать бабушку на старте – обыкновенную бабушку, плетущуюся от булочной к собственной могиле – сделать ее в аккордном рывке, чтобы после встать в сторонке и наблюдать за тем, как она горбатой улиткой движется в направлении собственной красной ленточки и венков от скорбящих и соболезующих. Точнее, странно не это, а то, что питербуржанину подсидеть бабку – хоть топором по голове – тоже должно быть брезгливо. Но практика и статистика дуэтом в один микрофон поют совсем другую песенку.

Вот и где здесь логика? В голове Главного По Стране, который при жизни был Достоевским и потому так много страдал? Вряд ли.

А эта девушка из самарского общества по развитию криптографических изысканий в области прикладной математики, она что, лучше? Она считает себя наследницей Эбенизера Скруджа, хоть Чарльза Диккенса от Дональда Дака отличает лишь по фуражке военного покроя (про Дэвида Копперфилда я бестактно умолчу). А сама при этом носата, как был носат Гоголь в молодости, задолго до «Мертвых душ».

Что мне со всем этим делать? Куда впихнуть черную кожу тревожного чемоданчика, каким рейсом отправить в преисподнюю весь груз ненужных культурных изысков, да так, чтоб стрелку переклинило на миг, а после этого из железнодорожной эта стрелка превратилась в компасную, указующую на ту точку, где в миг сей обитает ОН?

ОН. Что я могу про него сказать... Могу сказать, что моя жена ненавидит Васю Пупкина. Когда я упоминаю его имя всуе, она цыкает на меня, зловеще щелкает ноготком и гневно восклицает «Прекрати сейчас же!». А что я могу про него сказать? Что он есть жнец наших душ? Что голова его – выскобленная тыква с адского праздника глаз-свечей? Да, сказать-то могу. Ведь Пупкин – это русификация бесовского англоязычного слова PUMPKIN. А Вася сквозь века прорастает от Бэйзила, Базилики и Василиска, то есть от самих основ мироздания. Ведь Вася – это еще и BASE – база, основание, исток. BASEMENT – подвал, в котором наручниками к батарее прикован Вася-мент. А мой друг петербуржанин хрипло воет рифмованным слогом:

Я на улицу вышел светом,
Да нутро вдруг вскипело бранью
Нож нащупать хотел снегом,
Да кишки подвели дрянью
Вот теперь скворчу я салом,
На холсте твоём белом, Боже,
Коричнево-красно-алым
О другом мне скорбеть негоже

Так воеет мой друг петербуржец и вместе со мной опускает Васе-менту почки. А руки-то прикованы, так что поднять почек он не сможет. И вознесутся они на ветви липовые да ольховые, чтоб по весне прорасти листиками хроник.

Голову Васину мы с другом спрятали от Васи. Пусть поедит по России-матушке всадником безголовым, пусть поищет то, чего с ним от рождения не было. И соль всего – вы только подумайте, какие мы шельмецы – соль всего в том, что голову его мы спрятали от него самого. Путь походит трупом, пусть даже мощами нетленными. Пусть поищет то, что мы спрятали у него же под носом. Под носом, который остался на голове, которую мы спрятали. Пусть попытается вспомнить, где он видел свою голову в последний раз. Пусть вместе с его головой пропадет и моя выскобленная тыква со всеми дурными культурологическими изысками и греховным стремлением докопаться до истоков.

Модель №8: Социология

Социум – группа людей, объединенных общими материальными и моральными факторами, а также различными формальными искусственно выдуманном ценностями или ненавистью.

Иногда хочется выйти на улицу, подбежать к первому встречному и сказать – «Судите меня строго, не будьте ко мне снисходительны. Относитесь ко мне так, будто я плоть от плоти вашей, будто мой образ есть подобие ваше. Не прощайте мне ошибок, которые совершали сами. Не спускайте с рук грехов, в которых каюсь. Представьте, что надежды ваши – на меня. Что жизнь ваша – в моих руках. Я не должен пасть, облажаться или разочаровать вас. Я ваш послушный сын, ваше будущее – примите меня всерьез. Только не вздумайте утешать или баловать. Не будьте милы со мной только потому, что я вам незнаком. Изучите меня придирчиво, взвесьте, промаркируйте. Нахмурьтесь, подумав, что я все же могу вас подвести. Я не прошу любви – лишь суровой беспристрастности, справедливой и, видит Бог, заслуженной мною».

Сумасшествие не может быть забавным. Оно пугает, ведь никто не знает, как далеко оно может завести человека в словах и поступках его. Контролируемое безумие – миф, вы-

думанный рекламными агентами, писателями-абсурдистами и художниками-неформалами. Это не химическая свадьба, а трюк, отсрочка от творческой импотенции, позволяющая выжать из себя хоть что-то, похожее на семя новой искусственной жизни – жизни, принадлежащей искусству.

Иногда я выхожу на улицу, подбегаю к первому встречному и спрашиваю – «Ну и как вам? Нравится все это? Ах, нет?! Тогда вините себя во всем, вините меня, только не молчите, не пейте чай на кухне, обсуждая со своей старухой, до чего «они» нас довели. Вините себя в том, что я, данный вам в ощущениях, для вас менее реален, чем телевизионно-интернетный образ. Если вам, чтобы покаяться, необходима водка – пожалуйста, я не против. Даже махну с вами. Но не думайте, что это сделает нас ближе – глаза цвета мяса и опухшие лица всего лишь внешнее сходство. Выкиньте транспорт и линейку, посредством которых еще в школе вашему мозгу придали форму кирпича. Для вас я готов вскрыть свою черепную коробку и показать, каков мозг, росший вне формочки – он непригляден, ассиметричен и скользок, у него нет ровных полированных поверхностей, на которых так красиво могли бы играть солнечные блики. Нет! Но только принохайтесь. Это запах свежего мяса, живой крови. Давно ли вы проветривали свой кирпич? Я не могу судить и всепрощать – слишком религиозен, чтобы брать на себя божественные функции. Но, пожалуйста, просто поговорите со

мной. И тогда, надеюсь, мы не расстанемся обиженными».

Одиночеством нельзя наслаждаться долго. Целостность личности подобна неразорванной гранате. Вселенная, запертая в компактную форму тела, расширяется подобно нагрываемому газу. Изоляция, пусть и ментальная (в первую очередь ментальная!) сводит с ума. Неспособная прорвать оболочку, внутренняя вселенная во всем своем многообразии продолжает разрастаться, становясь злокачественной опухолью. Но к гармонии стремятся лишь сумасшедшие, от которых никогда не знаешь, чего ждать. Сумасшедших следует изолировать в плане физическом. Вокруг слишком много людей, за человеками толпы не видно, а значит, одиночество неизбежно.

Иногда я иду по улице и жалею, что подбежал к первому встречному и попросил его – «Ударьте меня. Киньте в меня камень. Выстрелите в меня из рогатки, а мною – из пушки. На Луну или вокруг земной орбиты за восемьдесят дней. Иллюзорность дает повод для размышлений лишь до тех пор, пока не убеждаешься в реальности ее, как единственно существовавшей когда-либо реальности. Мне же, в Иллюзорности не сомневающемуся, это не помеха – я принимаю правила игры именно потому, что это игра. Так давайте, рубите и бейте – посмотрим, засчитается ли гол, забитый в ворота моей отсеченной головой».

Я слишком религиозен, чтобы понять простую данность – люди не хотят, чтобы с ними ты поступал так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой. К тому же слишком антисоциален, чтобы поддерживать хоть какой-то диалог – я птица говорун, чья мысль порождается языком, а не наоборот. Мне искренне жаль, что я подбежал к человеку и испортил ему настроение на весь оставшийся день.

Модель №9: Вирусный шовинизм

Шовинизм – проповедуемая идеология оправданного превосходства одних существ над другими с параллельной их дискриминацией, угнетением или уничтожением.

Очень здорово и заразно поглядывать на соседей по подъезду, району, городу, стране или планете и приговаривать со снисходительной ухмылкой: «Ну и ничтожества. Надо же, какие никчемные. Да и тупые-то изрядно. Зверьё! Нет, скорее не зверьё, а паразиты – копошатся, снуют, пресмыкаются там себе. Прямо хоть вот всех их взять, да прихлопнуть – сплошная польза выйдет. Ну да ладно, пусть живут. Мы же люди душевные, не нам тапки об тех тараканов марать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.